

УДК 82.2
ББК83.3

Р.Р.Алиева
Г.Н.Алиева
Г.С.Раджабова

**И.БУНИН И В.ШУКШИН:
ОСВЕЩЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ
РУССКОГО
НАЦИОНАЛЬНОГО
ХАРАКТЕРА**

В статье определяется творческая близость Бунина и Шукшина в трактовке русского национального характера в его сложности, противоречивости, амбивалентности в их рассказах из жизни русской деревни.

Ключевые слова: *типологическая общность, духовно-нравственные искания, противоречивые свойства русского национального характера, трактовка образов чудиков, странных людей.*

DOI 10.18522/1995-0640-2016-1-69-76

Алиева Раиса Раджабовна – канд. филол. наук, доцент кафедры русской литературы Дагестанского государственного университета
Тел.: +7-988-794-39-54
E-mail: Rutul2010@yandex.ru

Алиева Гольнара Низамовна – докт. филол. наук, профессор, зав.кафедрой русского языка Дагестанского государственного технического университета
Тел.: +7-909-479-49-10
E-mail: dagalieva@mail.ru ,

Раджабова Гольчмен Сейфуллаховна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Дагестанского государственного технического университета
Тел.: +7-988-794-39-54
E-mail: Rutul2010@yandex.ru

© Алиева, Р.Р., Алиева Г.Н.,
Раджабова Г.С., 2016.

Постановка проблемы *Бунин и Шукшин* лишь на первый взгляд может вызвать сомнение в своей правомерности. И хотя сам Шукшин, прочитавший «книжное море» художественной литературы, высоко ценивший ее классиков, ни разу не упомянул имени Ивана Алексеевича Бунина, не оставил конкретных свидетельств знакомства с его творчеством, определенная типологическая общность, творческая близость обнаруживается при сопоставлении их рассказов из русской деревенской жизни.

При всем несходстве возраста, происхождения, жизненного опыта, судьбы, творческого дара эта близость проявляется в духовно-нравственных исканиях, мироощущении, в объективной, истинной, глубокой оценке русского национального характера, обусловленной доскональным знанием изнутри деревенской жизни, образа мыслей, чувств и языка народа, который справедливо считается наиболее полным выразителем характера нации. И Бунин, и Шукшин были горячо преданы родине, России. В своей книге «Окаянные дни» Бунин писал: «Если бы я эту “икону”, эту Русь не любил, не видал, из-за чего же бы я так сходил с ума все эти годы, из-за чего страдал так непрерывно, так люто?» [Бунин, 1991, с. 66]. А Шукшин в «Слове о “малой родине”» признался за год до смерти: «...всю жизнь мою несу родину в душе, люблю ее, жив ею, она придает мне силы, когда случается трудно и горько... . И какая-то огромная мощь чудится мне там, на родине, какая-то животворная сила, кото-

рой надо коснуться, чтобы обрести утраченный напор в крови... не зря верится, что родной воздух, родная речь, песня, знакомая с детства, ласковое слово матери врачуют душу» [Шукшин, 1985, т. 3, с. 642]. Писателей объединяет интерес к русскому национальному характеру, к народной душе, ее загадочным и противоречивым свойствам. В предисловии к французскому изданию одного из своих рассказов Бунин прямо указал на то, что его повесть «Деревня» стала «началом целого ряда произведений, резко рисовавших русскую душу, ее своеобразные сплетения, ее светлые и темные, но почти всегда трагические основы» [Бунин, 1966, с. 268].

«Диапазон бунинских эстетических оценок национального характера очень широк – от образов, запечатлевающих в психологии персонажа игру жестоких, злобных сил («Ночной разговор», «Ермил»...), до характеров редкостной душевной красоты («Кастрюк», «Хороших кровей», «Лирник Родион», «Худая трава», «Захар Воробьев»)» [Колобаева, с. 14]. О своем интересе к «истории души» героев, показанных в их национальной характерности, признавался и Шукшин [Шукшин, 1981, с. 164].

В рассказах 10 – 20-х гг. Бунин запечатлел такую черту характера русского человека, как отвращение к будням, будничной повседневности. Он показал, что одних оно приводит «к непрестанному хмелю, запою» (в рассказе «Веселый двор», например), других превращает в нищих бродяг, странников, юродивых. Об этом говорится в рассказах «Я все молчу», «Блаженные», «Святые» и др. «В жажде самоистязания, отвращения к узде, к труду, к быту, в страсти ко всяким личинам, – и трагическим, и скоморошеским, – Русь издревле и без конца родит этих людей», – утверждает писатель в конце рассказа «Я все молчу» [Бунин, 1966, с. 224]. Его поражает неизменное чувство симпатии всего народа к этим людям за то, что они осмелились отбросить все условности общепринятого поведения, начиная с одежды, внешности и кончая образом жизни.

В.М. Шукшин в ряде своих рассказов о «странных людях», «чудиках» («Степка», «Ванька Тепляшин», «Даешь сердце!», «Алеша Бесконвойный» и др.) продолжает бунинскую традицию исследования национально-самобытной психологии русского человека. Он показывает, как необычное, странное, парадоксальное в характере и поведении героев, разрушающее привычные представления о норме, выступает формой постижения их глубинных социально-нравственных свойств. Он знал, что традиция изображения чудака, дурачка, странного человека укоренена в русской литературе и фольклоре. В статье «Нравственность есть Правда» (1968) он раскрывает свое понимание художественной функции образа странного человека. «Есть на Руси, – писал он, – еще один тип человека, в котором время, правда времени вопиет так же неистово, как в гении, так же нетерпеливо, как в талантливом, так же потаенно и неистребимо, как в мыслящем и умном... Человек этот – дурачок. Это давно заметили (юродивые, кликуши, странники, не от мира сего – мно-

го их было в русской литературе, в преданиях народных, в сказках)... Герой нашего времени – это всегда “дурачок”, в котором наиболее выразительным образом живет его время, правда этого времени» [Шукшин, 1985, т. 2, с. 617].

Все странные герои Шукшина ищут какой-то отдушины, чего-то необыкновенного, отличного от будней, они скучают по «празднику души». Его, например, устраивает себе сам герой рассказа «Алеша Бесконвойный» (1972), когда самовольно не выходит на колхозную работу по субботам, посвящая этот день священнодействию – топке бани, купанию, неспешным размышлениям о жизни, ее главных ценностях, воспоминаниям о прошлом, мечтам о будущем. Баня стала для Алеша местом, где он проходит нравственное очищение, обретает душевный покой, переживает светлые и высокие мгновения. «Всякое вредное напряжение совсем отпустило Алешу, мелкие мысли покинули голову, вселилась в душу некая цельность, крупность, явность – жизнь стала понятной... Алеша стал недосыгаемым для нее, для ее суетни и злости, он стал большой и снисходительный» [Шукшин, 1985, т. 3, с. 136]. Так, благодаря настойчивости героя рассказа, которую односельчане оценили как признак «ненормальности», упрямства, глупости, субботняя баня стала для него тем «праздником души», праздником отрешения от повседневных забот, душевного обновления и просветления, который так необходим бывает именно нормальному, равнодушному к жизни человеку. Вот почему так поэтично, так выразительно описано состояние героя после «праздника»: «...был он весь новый, весь парил ... он не слышал своего тела, мир вокруг покачивался согласно сердцу», «... распускалась в душе тихая радость, он даже лицом светлел» [Там же, с. 130].

Бунин заметил раньше Шукшина, что неприятие обыденности выражается у русского человека в стремлении принимать на себя чужие личины, играть разные роли. «Ощущение будней жизни как чего-то неподлинного, поверхностного и далекого от сути – ведет к тому, что и собственная повседневная жизнь и собственное поведение становятся в этой системе координат всего-навсего некоей маской и ролью... Бунинские герои постоянно играют роли» [Мальцев, с. 170]. Это относится к образам Ермила, дедушки из одноименных рассказов, Парашки из рассказа «При дороге», Ивана Чеботарева («В саду») и др. Писатель показывает, что роли эти играют не всегда сознательно, но они опосредованно высвечивают неигровую, подлинную, глубинную суть характеров.

В рассказе «Захар Воробьев» Бунин раскрывает одну из «трагических основ русской души» – трагедию несостоявшейся судьбы, неиспользованных богатых возможностей. Герой рассказа – настоящий русский богатырь, сильный, добрый, работающий. Изображая его, автор передает зрительные, обонятельные, осязательные впечатления от его облика. Этот голубоглазый гигант «был рыжевато-рус, бородат и настолько выше, крупнее обыкновенных людей, что его можно было показывать». «Борода у него была мягкая, густая, чуть волнистая, так и хотелось потрогать ее... .. И приятный запах шел от него: ржаной запах

степняка, смешанный с запахом дегтярных, крепко кованных сапог... и мятным ароматом нюхательного табаку» [Бунин, 1966, т. 4, с. 35].

Восхищение автора героем выражается и непосредственно, в оценочных эпитетах: «Впрочем, настроен он был неизменно превосходно. Здоров на редкость. Сложен отлично...» [Там же, с. 36].. Этот красивый, сильный человек был убежден, что мог бы совершить в жизни что-то значительное, «сделать что-нибудь удивительное» [Там же, с. 43]. Он смотрел на небо – и вся душа его, и насмешливая и наивная, полна была жажды подвига. Смутное недовольство собой, ощущение неизрасходованных сил, неиспользованных возможностей испытывает он особенно остро в состоянии опьянения. «Человек он особенный, он твердо знал это, но что путного сделал он на своем веку, в чем проявил свои силы? Да ни в чем, ни в чем! Старуху пронес однажды на руках верст пять ... Да об этом даже и толковать смешно: он мог бы десяток таких старух донести куда угодно» [Там же, с. 44].

Но жажда подвига обернулась нелепым спором, пьяной бравадой – и, надорвавшись на непомерном количестве выпитой водки, Захар Воробьев умирает неожиданно и нелепо, едва достигнув 40-летнего возраста.

Внутренний драматизм этого незаурядного характера создается из резкого диссонанса глубинных, резервных его свойств и их внешнего проявления.

На таком же противопоставлении внешнего и потаенного в человеке основан драматический конфликт рассказов Шукшина «Митька Ермаков», «Микроскоп», «Миль пардон, мадам!». Герои этих рассказов, как бунинский Захар Воробьев, остро ощущают духовную неполноту своей судьбы, неиспользованные душевные ресурсы. Они переступают границы здравого смысла, как бы проигрывают другой вариант своей судьбы, чтобы хоть на миг добиться реального воплощения возвышенной мечты. Герой рассказа «Микроскоп» (1969) столяр Андрей Ерин приобретает микроскоп для того, чтобы уничтожить микробов, представляющих прямую угрозу здоровью людей, укорачивающих их жизнь. И эта неделя работы с микроскопом стала лучшим временем его жизни. Митька Ермаков из одноименного рассказа в своем воображении то спасает человечество от рака, то изобретает машинку для печатания денег, чтобы помогать «бедным и женщинам». Насмешки односельчан вызывает Бронька Пупков, герой рассказа «Миль пардон, мадам!» (1967), который не устает рассказывать выдуманную им легенду о своем участии в покушении на Гитлера приезжающим в деревню поохотиться горожанам. Переживая мечту в реальности, шукшинские чудики так искренне, увлеченно играют в созданном ими же миниспектакле, что вовлекают в него окружающих, заставляют их на миг поверить в достоверность воображаемого. В причудливой фантазии этих героев угадывается мечта о подвиге, о героическом служении людям. Переживание трагедии несостоявшейся судьбы, нереализованных потенций, – показывает Шукшин, – чаще всего приводит к пьянству, истинной беде русского, да и не только русского народа.

Всю жизнь Бунина волновал вопрос о неизбежности смерти. В рассказе «Худая трава» (1913) повествуется о том, как умирает русский человек – батрак Аверкий. «В образе Аверкия, прощающегося с жизнью, в его думах о прожитом, снах и воспоминаниях с глубоким проникновением в национальный характер запечатлено происходящее в герое духовное возвышение и просветление» [Колобаева, с. 21]. Понимая неизбежность своего ухода из жизни, как «худой травы», которая, согласно пословице, из «поля вон», Аверкий по-доброму откликается на все лучшее и ценное в жизни: заботу жены, красоту дочери, прелесть различных явлений природы.

Этой мерой – готовностью примириться с неизбежностью, спокойно встретить смерть – оценивает человеческую личность и Шукшин. В рассказе «Как помирал старик» он запечатлел удивительное самообладание и мужество старого крестьянина, который уходит из жизни деловито и достойно. Последние мысли и заботы его – о жене, детях, внуке, их судьбе. Так через отношение к смерти раскрывают оба писателя нравственную силу русского крестьянина, его благородство, мужество.

«Художник пытается представить русский характер в его нескончаемой многоликости, – справедливо пишет о Бунине Л.А. Колобаева, – не уставая рисовать все новые индивидуальные варианты национальной психологии» [Колобаева, с. 17]. В рассказах «Ночной разговор», «Ермил», «Веселый двор», «Федосеевна», «Древний человек» и др. запечатлены отталкивающие черты народного характера: игра в нем жестоких, злобных сил, грубость, жадность, лживость, бесчувственность к слабым и беззащитным. Так, в рассказе «Федосеевна» дочь безжалостно выгоняет из дома в зимнюю стужу умирающую мать, Егор в рассказе «Веселый двор» обрекает свою мать на голодную смерть, древнего старика Таганка из рассказа «Древний человек» родные бьют и морят голодом. В «Ночном разговоре» мужики с легкостью и равнодушием признаются в совершенных ими убийствах. Герои рассказов «Князь во князьях», «Забота» и «Хорошая жизнь» Лукьян Степанов, Авдей, Настасья Семеновна – деловиты, практичны, но мелочны, бессердечны, жестоки. Очень похожи на героев и персонажей рассказов Бунина герои и персонажи рассказов Шукшина «Крепкий мужик», «Волки», «Как жена мужа в Париж провожала», «Танцующий Шива» и др.: стяжатели, эгоисты, хамы. Л.А. Колобаева справедливо отметила, что «в русской жизни... особенно далеки друг от друга нравственность и деловитость, доброта и практичность» [Там же, 17]. Привлекательны своей добротой, бескорыстием, благородством, нравственной силой герои рассказов Бунина «Лирник Родион», «Захар Воробьев», «Аглая», «Косцы» и Шукшина: «Мастер», «Алеша Бесконвойный», «Даешь сердце!», «Чудик», «Психопат» и др. Они олицетворяют лучшие свойства русского национального характера: подвижничество, доброту, трудолюбие, талантливость, самоотверженность, мужество. Восхищение своим героем, талантливым слепым певцом, прямо, непосредственно выразил Бунин в рассказе «Лирник Родион» (1913). «Простой, открытый, легкий, он совмещал в себе все:

строгость и нежность, горячую веру и отсутствие показной набожности, серьезность и беззаботность» [Бунин, 1966, т. 4, с. 156].

В красоте его пения, во всем его существе поразила автора удивительная гармоничность – «вкус, чуткость, мера», способность «выражать тончайшие и разнообразнейшие чувства и мысли» [Там же, с. 158].

Настоящим гимном талантливости и трудолюбию, красоте души русского человека, гимном родине, России стал необычайно светлый и поэтичный рассказ Бунина «Косцы» (1921), один из первых, созданных уже в эмиграции, в виде воспоминаний о действительно произошедшей еще в России встрече с косцами в березовом лесу. «Это было давно, это было бесконечно давно», – с горечью начинает рассказ автор, – «потому что та жизнь, которой все мы жили в то время, не вернется уже вовеки» [Бунин, 1966, т. 5, с. 68].

Главное действие в рассказе описано лаконично: «Мы шли по большой дороге, а они косили в молодом березовом лесу поблизости от нее – и пели» [Там же]. И предвечерний лес, «еще не утративший чистоты и свежести, еще полный цветов и запахов, звучно откликнулся им..., и они шли и пели среди вечной полевой тишины, простоты и первобытности с какой-то былинной свободой и беззаветностью» [Там же, с. 68 – 69]. Косцами были не местные, а рязанские крестьяне, пришедшие в орловские места на заработки. «И они были беззаботны, дружны, как бывают люди в дальнем и долгом пути... были “охочи к работе”, неосознанно радуясь ее красоте и спорости» [Там же, с. 69]. Русская народная песня о прощании с родиной, которую пели косцы, пробудила в слушателях глубокие и сильные чувства. «Прелесть ее была в откликах, в звучности березового леса. Прелесть ее была в том, что никак не была она сама по себе: она была связана со всем, что видели, чувствовали мы и они, эти рязанские косцы. Прелесть была в несознаваемом, но кровном родстве, которое было между ими и нами..., и этим хлебобродным полем, что окружало нас, этим полевым воздухом, которым дышали и они, и мы с детства, ... этими облаками на уже розовеющем западе, этим свежим, молодым лесом, полным медовых трав по пояс, диких несметных цветов и ягод... Прелесть была в том, что все мы были дети своей родины и были все вместе, и всем нам было хорошо, спокойно и любовно...» [Там же, с. 70]. Бунин создал в этом рассказе одухотворенное стихотворение в прозе, в котором с удивительной проникновенностью, теплотой, лиризмом выразил восхищение поэтичностью, красотой русского человека, русской природы, русского искусства.

Таким образом, близость двух больших русских писателей в раскрытии проблемы русского национального характера позволяет убедиться в объективности, глубине, истинности их наблюдений и выводов о наиболее важных его свойствах.

Литература

Бунин И. А. Окаянные дни. М., 1991. С.66.

- Бунин И.А. Собр. соч.: в 9 т. М.: Худ. лит., 1966.
 Колобаева Л. А. Проза Бунина. М.: МГУ, 2000.
 Мальцев Ю. Иван Бунин: 1870 – 1953. М.: Посев, 1994.
 Шукшин В. Вопросы самому себе. М., 1981.
 Шукшин В. Слово о «малой родине» // Собр. соч.: в 3 т. М.: Молодая гвардия, 1985.

References

- Bunin I. A. *Okayannye dni*. M., 1991. S. 66.
 Bunin I.A. *Sobr. soch. v 9 t.* M.: Khud. lit., 1966.
 Kolobaeva L. A. *Proza Bunina*. M.: MGU, 2000. S. 14, 21, 17.
 Mal'tsev Yurii. *Ivan Bunin: 1870 – 1953*. M.: Posev, 1994. S. 170.
 Shukshin V.M. *Slovo o «maloi roдинe»* *Sobr. Soch.*: v 3 t. M.: Molodaya gvardiya, 1985.
 Shukshin V. *Voprosy samomu sebe*. M., 1981. S.164.

Alieva R.R., Alieva G.N., Radzhabova G.S. (Makhachkala, Dagestan Republic, Russian Federation)

I.Bunin and V.Shukshin: Russian national character problem reflection

The paper attempts, using the comparative method of comparative studies, to show the level of artistic content of people's life stories of the creative intimacy of the great Russian writers I.A. Bunin and V.M. Shukshin.

The article shows the writers-realists who worked in different times, in different conditions, due to a good, thorough value of the way of people's life, the depth of creative gift, gift of «staring look», the power and the truth of the patriotic feelings were able to objectively and historically true artistic revealing of the essence of the Russian national character in its complexity, multi-unroundness ambivalence. For both writers the Russian people embody Russia, deeply beloved homeland, its powerful, life-giving strength. They expressed their admiration for the moral beauty of the Russian people, Russian nature, Russian art.

Key words: *typological community, spiritual and moral quest, contradictory properties of the Russian national character, interpretation of images of freaks, strange people.*

Alieva Raisa Radzhabovna – candidate of linguistics, professor assistant of Russian literature dpt. Dagestan State University. Phone: +7-988-794-39-54; e-mail: Rutul2010@yandex.ru

Alieva Gyul'nara Nizamovna – professor, head of the Russian language dpt. Dagestan State University. Phone: +7-909-479-49-10; e-mail: dagalieva@mail.ru

Radzhabova Gyul'chimen Seyfullakhovna – candidate of linguistics, professor assistant of Russian literature dpt. Dagestan State University. Phone: +7-988-794-39-54; e-mail: Rutul2010@yandex.ru